

Плеханов Г.В.

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(«Centenaire de 1789. Histoire de la Revolution Francaise par Paul Janet. Paris»).

В 1889 г. Францией, а с нею и всем цивилизованным миром праздновалось столетие той революции, которую по справедливости называют великой, так как с нее начинается новая эпоха в истории. Много благоденствий принесло с собой это событие для всего цивилизованного человечества вообще, но еще более для буржуазии в частности и главным образом для французской буржуазии. Оно положило конец господству аристократии и обеспечило за буржуазией первое место решительно во всех отраслях общественной жизни. Все попытки реставрации изменить созданный революцией порядок дел оказались безуспешными, да реставрация и не пыталась, впрочем, устранить главнейшие, т. е. социальные, следствия Великой революции. Все понимали тогда, что в этом отношении дело решено бесповоротно, и как ни вознаграждай старого дворянства, - но его руководящая роль в социальной жизни Окончена навсегда. С Великой революцией начинается решительное господство буржуазии.

Как же не вспоминать буржуазии об этом важном событии? Как не праздновать ей его столетия? Еще за несколько лет до столетней годовщины революции буржуазная печать на все голоса кричала о приближающемся великом торжестве. Но с какой собственно стороны вспоминала буржуазия о буржуазной революции? Как рисовалось в ее воображении это важное событие?

Перед нами книга патентованного ученого французской буржуазии, Поля Жанэ, которого некоторые и, - как кажется сам он в том числе, - считают философом. Это обстоятельство, т. е., что Поль Жанэ имеет какое-то, впрочем, совершенно непонятное для нас отношение к философии, - очень удобно для нас в настоящем случае. У кого же, как не у буржуазного философа, искать буржуазной философии Великой революции? Итак, поищем ее в книге, заглавие которой мы выписали в начале нашей статьи.

Но прежде одно маленькое замечание. Читателям известно, что в семнадцатом веке Англия пережила свои революционные бури. В этом веке в Англии совершились две революции: одна, которая привела, между прочим, к казни короля Карла I, а другая, закончившаяся «веселым пирком» и восшествием на английский престол новой династии. Английская буржуазия совершенно различным образом относится к этим революциям: первая в ее глазах не заслуживает даже имени революции и называется просто «великим бунтом», другая величается «славной революцией» (Glorious Revolution). Тайну этого различного отношения к двум революциям разъяснял еще Огюстен Тьерри в своих

статьях об английских революциях. В первой английской революции большую роль играл народ, во второй он, можно сказать, почти совершенно не участвовал. Известно, что, когда народ выступает на историческую арену и начинает, по мере сил и понимания, решать судьбы своей страны, высшие классы (в данном случае буржуазия) чувствуют себя очень неловко. Народ всегда «груб», а когда он проникается революционным духом, то он становится, кроме того, еще и непочтителен; ну, а высшие классы всегда стоят за тонкую деликатность и за почтительность, по крайней мере требуют ее от народа. Вот почему высшие классы и склонны всегда именовать «бунтами» те революционные движения, которые ознаменовываются преобладающим участием в них народа.

Французская история особенно богата «великими бунтами» и «славными революциями». Но во Франции дело происходило обыкновенно обратное тому, как это было в Англии XVII-го века. В Англии «великий бунт» предшествовал «славной революции». Во Франции дело начиналось обыкновенно со «славных революций», и только уже после них имели место «великие бунты». Так было в течение всего XIX столетия. В 1830 г. совершилась в Париже «славная революция», а в 1831 г. в Лионе происходит довольно-таки «великий бунт» ткачей, напугавший всю буржуазию. В феврале 1848 года совершилась до такой степени «славная революция», что ее превозносил сам Ламартин почти столь же усердно, как превозносили самого себя.

Все шло не то чтобы совсем уж хорошо, но хоть сносно до тех пор, пока в июне не начался новый «великий бунт», заставивший буржуазию кинуться в объятия военной диктатуры. Четвертого сентября 1870 года произошла самая «славная» из всех французских революций, а 18-го марта следующего года начался самый великий из всех французских бунтов.

Буржуа утверждают, что «великие бунты» всегда портили во Франции дело «славных революций». Мы не можем рассуждать теперь, насколько справедливо это в применении к XIX веку, у нас нет на это времени, так как нам нужно побеседовать с буржуазным философом о событиях XVIII столетия.

В конце прошлого века во Франции также произошли один «великий бунт» и одна «славная революция». «Славная революция» началась в 1789 г., «великим бунтом» ознаменовался в особенности 1793 г. Зная, как относится буржуазия к «великим бунтам» и «славным революциям», читатель наперед уже может предсказать отношение философа буржуазии, Поля Жанэ, к революционным движениям конца XVIII века во Франции.

Чтобы беспристрастно судить о французской революции, - рассуждает он в заключительной главе своей книги, - «надо различать в ней три стороны: цель, средства и достигнутые результаты. Цель революции... приобретение гражданского равенства и

политической свободы... была самой великой, самой законной, к какой когда-либо стремился народ». Но средства были плохи: «слишком часто они были насильственными и ужасны».

Что касается до результатов, то гражданское равенство вполне достигнуто, по мнению Жанэ, и не оставляет желать ничего большего. Но «политическая свобода господствовала во Франции со времени революции лишь перемежающимся образом и до сих пор находится в опасности».

Она утвердится лишь тогда, когда французы отвыкнут от всяких насильственных, незаконных средств; будут смотреть на свою революцию, как на законченную раз навсегда; когда сама революция перейдет в область истории так же бесповоротно, как перешли в эту область революции Англии и Соединенных Штатов. Следует твердо держаться за достигнутые революцией результаты, но отказаться от революционного духа, от незаконных, насильственных средств.

Прекрасно. Но прибегать к революционным средствам стали с самого 1789 г., т. е. не только со времени «великого бунта», но еще и в эпоху «славной революции». Неужели даже и «славная революция» осуждается Полем Жанэ за насильственные средства? Не совсем так, лучше сказать, совсем не так. В его изложении насильственные средства времен «славной революции» оказываются вполне уместными, очень полезными и совершенно целесообразными. Он относится с большим одобрением ко всем народным восстаниям, направлявшимся против королевской власти. Он доказывает, что без этих восстаний правительство на первых же порах положило бы предел всем реформам Национального Собрания и великие цели революции не были бы достигнуты. Взятие Бастилии он приветствует, как «первое победоносное появление парижского народа на сцене революции».

Также одобрительно относится он и ко второму его появлению на этой сцене, 5 и 6 октября ко взятию Тюльери. Только тут, доказавши полнейшую необходимость свержения, при самом начале войны, сносившегося с неприятелем короля, Жанэ меланхолически добавляет: «Франция начинала привыкать к этому печальному средству решать политические задачи» (стр. 102). Он не указывает, однако, каким же другим средством, кроме восстания, можно было решить данную, неотложную задачу.

Только взяв Тюльери, только совершив это последнее из необходимых, по мнению Жанэ, восстаний, парижский народ превращается постепенно, под пером нашего историка, в чернь, руководимую низкими страстями. Теперь дело разъясняется: Почему не восставать? Восставать можно, только не нужно при этом руководствоваться низкими страстями. Так, что ли, нужно понимать буржуазного историка? Нет, не так. Оказывается,

что в настоящее время восставать вовсе нет ни смысла, ни основания. Восставать можно было только во время «славной революции». Теперь понимаем. Свергли короля, прикончили аристократию, дали господство буржуазии - и сидите смиренно, совершив в пределах земных все земное. Кто же, кроме жалкой черни, мог и может восставать после этого!

Очень хорошо. Что же дальше? А дальше, разумеется, вот что. Поль Жанэ сочувственно относится ко всем партиям, стоявшим поочередно во главе движения, кроме монтаньяров. На них сосредоточивает он все свое негодование, для них приберегает он все крепкие слова и бранные эпитеты.

Между этими злодеями и «мужественной, великодушной Жирондой» Жанэ проводит следующую интересную параллель. «Как одни, так и другие хотели республики»... Но жирондисты хотели республики свободной, законной, милостивой. Монтаньяры желали республики деспотической и ужасной. Не заботясь о свободе, монтаньяры дорожили только равенством. И те, и другие стояли за верховную власть народа; но жирондисты справедливо понимали под народом всех; для монтаньяров же, по злоупотреблению, которое продолжалось и до сих пор, народом был лишь трудящийся класс, люди, живущие работой своих рук; поэтому одним этим людям и должно было, по мнению монтаньяров, принадлежать господство.

Итак, политическая программа жирондистов сильно отличалась от политической программы монтаньяров. Откуда происходило это различие? Сам Поль Жанэ недурно объясняет его происхождение. Оно обуславливалось тем, что монтаньяры иначе, чем жирондисты, смотрели на взаимное отношение тогдашних общественных классов. Жирондисты, «понимали под словом народ всех», в представлении монтаньяров народ составлял лишь трудящийся класс. Другие классы, очевидно, не были в их глазах «народом». Почему же не были? Вероятно потому, что монтаньярам казалось, будто интересы этих классов шли вразрез с интересами класса трудящихся. Ведь в сущности и сами жирондисты понимали под словом «народ» не «всех», т. е. не всю тогдашнюю французскую нацию, а только одно третье сословие. Входила ли в их понятие о народе аристократия? Входило ли высшее духовенство? Вовсе нет! Аббат Сизейс никогда не шел так далеко, как жирондисты, а между тем и он, в своей брошюре «*Qu'est-ce que le tiers-état*», прямо противопоставляет «народ», т. е. третье сословие, кучке «привилегированных», т. е. дворянству и высшему духовенству. Неужели жирондисты не одобрили бы подобного противопоставления? Конечно, одобрили бы. Они еще горячее восставали против «привилегированных». Но если за всем тем они все-таки расходились с монтаньярами в своих представлениях о «народе», то не зависело ли это оттого, что

монтаньяры шли дальше и смотрели, как на привилегии, на такие общественные учреждения, которые казались жирондистам священными и необходимыми? Если это было так, то естественно, что классы, извлекавшие пользу из таких учреждений, не должны были причисляться монтаньярами к народу, потому что никто из революционеров не причислял тогда к народу «привилегированных».

Спор возможен был только относительно того, какие именно классы следует причислить к привилегированным. Монтаньяры считали за народ только трудящийся класс, людей, живущих работой рук своих. Так не относили ли они к «привилегированным» таких людей и такие сословия, которые хотя и живут тоже «работой рук», но рук чужих, а не своих собственных. Не так ли было дело? Поль Жанэ заставляет думать, что так.

Теперь для нас кое-что уже выяснено, неясно только одно: почему люди, отстаивавшие дело трудящегося класса, склонялись к республике «деспотической и ужасной»? Почему не явились они, напротив, сторонниками «республики законной, свободной и милостивой»? На это могли быть двоякого рода причины: во-первых, внешние, во-вторых, внутренние. Начнем с внешних причин, т. е. с тогдашних отношений революционной Франции к другим государствам.

Положение Франции в то время, когда Гора взяла в свои руки диктатуру, было отчаянно, почти безнадежно. Иностранные войска вступили с четырех сторон во французскую территорию: с севера - англичане и австрийцы, в Эльзасе - пруссаки, в Дофине и до Лиона - пьемонтцы, в Руссильоне - испанцы. И это в такое время, когда гражданская война свирепствовала в четырех различных пунктах: в Нормандии, в Вандее, в Лионе и Тулоне» (стр. 176). К открытым врагам надо прибавить рассыпанных по всей Франции тайных сторонников старого порядка, готовых тайком помогать неприятелю.

У правительства, взявшего на себя борьбу с бесчисленными внешними и внутренними врагами, не было ни денег, ни достаточного войска - ничего, кроме безграничной энергии, горячей поддержки со стороны революционных элементов страны и громадной смелости принимать все меры для спасения родины, как бы произвольны, незаконны и суровы они ни были. Призвавши к оружию всю молодежь Франции и не имея ни малейшей возможности вооружить и содержать свои армии на ничтожные средства, которые давали налоги, монтаньяры прибегли к реквизициям, конфискациям, насильственным займам, принудительному курсу ассигнаций, словом, заставили запуганные ими имущие классы содействовать спасению страны денежными пожертвованиями рядом с народом, отдававшим для этого спасения свою кровь. Эти насильственные меры были безусловно необходимы, если только было необходимо спасение Франции. Значительных

материальных пожертвований нельзя было ждать от доброй воли частных лиц: это признает сам Жанэ. Необходима была железная энергия правительства, доводившая до величайшего напряжения все живые силы Франции. Жанэ признает и это. Он желал бы только, чтобы диктатура досталась не отвратительным якобинцам, а благородной умеренной Жиронде. Если бы в своей борьбе с Горой жирондисты остались победителями, говорит наш автор, они очутились бы точь в точь в том же положении, как и сами монтаньяры: им тогда пришлось бы бороться с роялистскими восстаниями, подавлять партию монтаньяров, отражать внешнее нашествие и сомнительно, чтобы они могли справиться со всеми этими бедствиями без диктатуры. Но эта диктатура была бы менее кровавой и более уважала бы право и свободу» (стр. 144).

Но на какие же элементы могли опереться умеренные и аккуратные жирондисты? Когда, побежденные в Париже монтаньярами, они бросились в департаменты, то встретили там лишь пассивное сочувствие «медлительного и вялого», по выражению Жанэ, среднего класса, да коварную поддержку роялистов, от которой сами отказались. Не такую ли же точно поддержку дали бы им их сторонники в борьбе с внешним неприятелем? Нужно помнить, что низший, самый революционный: слой населения - в особенности парижского населения - не сочувствовал и не мог сочувствовать Жиронде. У него, очевидно, были другие понятия о «народе» и его интересах, чем у жирондистов, умиляющих Жанэ широтой своих воззрений. Именно это обстоятельство и причинило падение жирондистов и торжество Горы. Таким образом, они могли рассчитывать почти исключительно на «медлительный и вялый» средний класс. Многого ли можно было ожидать от него? Нет, не по силам было умеренной и либеральной Жиронде вывести Францию из того критического положения, в какое попала она в 1793 году.

Итак, по внешним причинам необходима была диктатура, и именно диктатура монтаньяров. Но ведь, когда речь заходит о диктатуре» то смешно и говорить о республике «свободной, законной и милостивой». Революционная диктатура поневоле была так же строга и немилостива, как строги и немилостивы были вызвавшие ее к жизни внешние враги республики. Вспомните манифест герцога Брауншвейгского. Подумайте, чем грозила реакционная Европа революционной Франции.

Перейдем к внутренним причинам, помешавшим монтаньярам склониться к республике «свободной, законной и милостивой». Здесь прежде всего мы попросим читателя обратить внимание на знаменитые права человека и гражданина. В числе этих прав много было таких, которые совершенно совпадали с интересами низшего класса населения. Но было между ними одно, к которому он с самого начала должен был стать в странное, полное противоречий отношение. Мы говорим о провозглашенном тогда праве

человека на собственность. Как должен был: понимать это право, например, парижский санкюлот? Самое название его показывает, что собственности у него ровно никакой не было, а между тем он имел на нее право. Как же мог он воспользоваться этим превосходным правом? За примером было ходить недалеко. Буржуазия порядочно-таки пощипала имущества дворянства и духовенства. Не пощипать ли ему имущества буржуазии? Почему бы нет? Санкюлоту жилось тогда из рук вон плохо, хотя и очень весело. Он часто голодал в буквальном смысле этого слова, а голод, как известно, очень вкрадчивый советник. И вот наш бедняк начинает обнаруживать большую бесцеремонность по отношению к буржуазным имуществам. Буржуазия защищается, как может. Понятно, каким образом эта социальная борьба должна была отражаться на политической жизни. «Чернь» спланируется в особую партию и выносит на своих плечах монтаньяров. В то время «чернь» умела постоять за себя и скоро достигла господства. Тогда ей оставалось, по-видимому, только воспользоваться своей политической властью и завести такие социальные учреждения, благодаря которым право человека на собственность не было бы уже по отношению к ней горькой насмешкой. Для тогдашнего, как и для современного, пролетариата это возможно было только при одном условии: при полном уничтожении частной собственности на средства производства и при организации производства на общественных началах. Но это совершенно было немыслимо тогда по двум причинам, которые стояли, впрочем, в тесной связи одна с другой: ни сам пролетариат не был достаточно развит для этого, ни тогдашние средства производства не удовлетворяли элементарнейшим требованиям общественной его организации. Поэтому и мысль о нем не приходила в голову ни тогдашней черни, ни ее образованные представителями. Правда, еще до революции во французской литературе существовало две-три коммунистических утопий, но они, по указанным причинам, и сами не отличались состоятельностью и никого не могли увлечь за собою. Что же оставалось делать при таких условиях восторжествовавшей на время «черни»? Если нельзя было завести общественного производства, то частная собственность по необходимости должна была существовать, и для голодающего народа возможны были только случайные, насильственные вторжения в ее область. Он и делал такие вторжения, за что его до сих пор продолжают поносить все буржуазные историки. Но при насильственных вторжениях в область частной собственности республика не могла быть «законной», потому что закон обещал охранять частную собственность. Не могла быть она и «милостивой», потому что ведь имущие слои общества не сидели сложа руки при таком обращении с их имуществом: они усердно искали удобного случая положить предел господству бесцеремонной «черни». Борьба между тогдашним пролетариатом и имущим классом по

роковой, неотвратимой необходимости должна была принять террористический характер. Только террором и мог отстаивать пролетариат свое господство в своем тогдашнем положении, полном самых неразрешимых экономических противоречий. Если бы пролетариат обладал тогда большею развитостью, если бы в тогдашней экономической жизни существовали условия, необходимые для обеспечения его благосостояния, то ему не было бы никакой надобности прибегать к террористическим мерам. Посмотрите на буржуазию, которую все историки хвалят за ее тогдашнее стремление к «законности». Положим, и она не давала спуску своим врагам и не отступала в решительные минуты перед решительными мерами. Но ее дело стояло тогда так прочно, что ему не могли в сущности повредить никакие противники. Добившись господства в эпоху своей «славной революции» 1789 года, буржуазия без больших усилий учредила нужный ей общественный порядок и придала ему такую прочность, что самые заклятые реакционеры едва ли могли серьезно задумываться об его уничтожении, а если бы и попытались уничтожить его, то увидели бы, что это невозможно. При таких условиях хорошо было бы буржуазии говорить о «законности». Когда ваше дело выиграно, а дело ваших врагов проиграно навсегда, когда «законным» порядком стал выгодный для вас порядок, тогда с какой стати станете вы прибегать к незаконному способу действий? Вы имеете все основания думать, что закон вполне оградит все ваши преимущества. Буржуазия стремилась к законности в политике, потому что историческое развитие совершенно обеспечило ее торжество в экономике. На ее месте и пролетариат не стал бы поступать иначе. Что представители «черни», монтаньяры, в принципе не менее жирондистов стояли за свободу и законность, - доказывает выработанная ими конституция, самая свободная из всех, когда-либо написанных во Франции. Этой конституцией вводилось прямое народное законодательство и права исполнительной власти были сведены до минимума. Но по указанным внешним и внутренним причинам монтаньяры не имели возможности привести ее в действие.

Вообще, можно принять за правило, не допускающее исключений, что чем меньше шансов имеет данный общественный класс или слой отстаивать свое господство, тем более склонности обнаруживает он к террористическим мерам. В XIX веке буржуазия воочию увидела, что шансы ее отстаивать свое господство над пролетариатом все более и более уменьшаются, - и вот она все более и более стремится терроризировать пролетариат. С июньскими инсургентами она расправлялась гораздо свирепее, чем с лионскими ткачами, восставшими в 1831 году, а с «коммунарами» 1871 г. - еще свирепее, чем с июньскими инсургентами. Террор, практикованный буржуазией над пролетариатом, далеко, бесконечно далеко оставляет за собою все (страшно преувеличенные реакционерами)

ужасы якобинского террора. Робеспьер является просто ангелом в сравнении с Тьером, а Марат - чудом доброты и кротости в сравнении с буржуазными строчилами времен знаменитых майских расправ. Внимательно вдумываясь во французскую историю нынешнего столетия, приходится совершенно согласиться с Герценом, который после июньских дней писал, что нет и не может быть правительства свирепее правительства, осерчалых лавочников.

Именно, благодаря свирепости лавочников не могла надолго укрепиться и политическая свобода во Франции. На буржуазию и только на буржуазию падает ответственность за все те частые уклонения в сторону реакции, какими ознаменовалась французская история нынешнего века. Даже во время реставрации торжество реакционеров в значительной степени и долго было облегчаемо тем, что, труся перед рабочими, буржуазия долго не хотела вовлекать их в борьбу.

Возвращаясь к вопросу о якобинском терроре конца прошлого века, мы скажем в утешение буржуазным писателям, содрогающимся при одном воспоминании о нем, следующую, как нам кажется, бесспорную истину.

Предстоящий теперь в цивилизованных странах «великий бунт» рабочего сословия наверное не будет отличаться жестокостью. Торжество рабочего дела до такой степени обеспечено теперь самой историей, что ему не будет надобности в терроре. Конечно, буржуазные реакционеры хорошо сделают, если постараются не попадаться в железные объятия победоносного пролетариата. Они поступят благоразумно, если не будут подражать монархическим заговорщикам первой революции. *A la guerre comme a la guerre*, справедливо говорит пословица и в разгаре борьбы заговорщикам может прийтись плохо. Но, повторяем, успех пролетариата обеспечен теперь самой историей.

Захвативши политическую власть в свои руки, он хорошо и скоро сумеет воспользоваться ею для своих экономических целей, а затем, создавши сообразный со своими нуждами общественный порядок, он поспешит перейти к «законности». Трудно ли будет ему уважать законы, продиктованные его собственными интересами?

Празднуя столетие Великой революции, французская буржуазия как бы нарочно задалась целью показать пролетариату экономическую возможность и необходимость рабочей революции. Всемирная выставка давала ему прекрасное понятие о том неслыханном развитии, какого достигли в настоящее время производительные силы цивилизованных стран. Ни о чем подобном не могли даже и мечтать смелые утописты прошлого века. Сообразно с этим и освобождение пролетариата - из благородной мечты, какую оно было, например, во время Бабефа, сделалось теперь историческою неизбежностью. Та же самая выставка показала, что, при современном развитии

производительных сил и при современном анархическом состоянии производства, промышленные кризисы должны становиться все более и более интенсивными, а следовательно, все более и более разрушительно влиять на ход всемирного хозяйства. Чтобы избавить себя от их губительного влияния, европейскому пролетариату не остается ничего другого, как именно только положить начало той планомерной организации общественного производства, которая была полнейшей невозможностью для французских санкюлотов прошлого столетия. Современные производительные силы не только допускают такую организацию, но даже настойчиво требуют ее. Без нее невозможно воспользоваться ими в полной мере. В современных механических мастерских труд уже принял общественный характер. Остается только согласить производительные функции таких мастерских и соответственно этому изменить характер присвоения продуктов: из частного сделать его общественным. Достижение этой цели и составляет задачу будущего «великого бунта» европейского пролетариата. Собиравшийся в июле нынешнего года в Париже международный социалистический конгресс не упустил случая напомнить ему «5 этой великой задаче.

А где же каш Поль Жанэ? Где наш философ? Он здесь, но мы совсем позабыли о нем, рассуждая о задачах - европейского пролетариата. А теперь вот он напоминает нам о себе, уверяя нас, что нужно «остаться верным духу революции, осудив революционный дух» (272). Другими словами, это значит, что человечество в настоящее время должно довольствоваться результатами, добытыми буржуазией, благодаря Великой революции, и не делать ни шагу далее. Мы думаем, что надо поступать как раз наоборот. Цели буржуазии не могут быть целями рабочего класса, добытые ею результаты не могут удовлетворить его. Поэтому он идет далее, осуждая буржуазный дух Великой революции. Но он остается верен революционному духу, потому что оставаться верным ему, значит неутомимо и бесстрашно бороться за лучшее будущее, ведя непримиримую войну со всем устарелым и отжившим.

Буржуазии хотелось бы убедить рабочих в том, что современное общество не знает никакого разделения на классы, так как новейшее правовое государство основывается на равенстве всех перед законом. Но это формальное равенство так же не утешает рабочего, как утешало буржуазию, при старом режиме, провозглашенное христианством равенство всех перед Богом. Не довольствуясь этим фантастическим равенством, буржуазия не успокоилась до тех пор, пока не обеспечила за собою всех возможных благ земной жизни. Не удивляйтесь же, господа, что пролетариат не довольствуется юридическими фикциями и говорит, что пока существует экономическое неравенство, в действительной жизни равенства нет и быть не может.

Буржуазии хотелось бы также уверить рабочих, что в области экономии теперь уже нечего делать и что поэтому им остается лишь развлекаться забавами «чистой» политики. Но для рабочих заниматься «чистой политикой» значит идти в хвосте буржуазных партий. И буржуазия сама прекрасно понимает это значение «чистой политики». По крайней мере, понимала это прежде, когда боролась с дворянством и духовенством. В цитированной уже выше брошюре «*Ou'est-ce que le liors-etat?*», которую можно назвать программой французской буржуазии 1789 года, софизмы «чистых политиков», принадлежавших тогда к первым двум сословиям, опровергнуты с большим искусством. Аббат Сийес утверждал, что нация фактически разделена на два лагеря: лагерь привилегированных и лагерь угнетенных.

Это фактическое разделение должно отразиться и в политике. Пусть привилегированные отстаивают политическими мерами свои привилегии: это естественно и понятно; но пусть и угнетенные не забывают своих интересов, пусть они выступят на открывающуюся арену политической жизни, сплотившись в особую партию. Эта проповедь и до настоящей минуты сохранила свой смысл и свое значение. Обстоятельства изменились лишь в том, что теперь привилегированное место занимает буржуазия. Как же не группироваться рабочим в особую партию угнетенных, враждебную привилегированной буржуазии?

Во время «великого бунта» французской «черни» конца прошлого века противоречие классовых интересов буржуазии и пролетариата находилось еще в зародыше. Поэтому и сознание его в умах пролетариев было еще очень неясно. Выше, объясняя смысл того, что Поль Жанэ сказал об якобинском понимании «народа», мы приписали якобинцам враждебное отношение ко всем классам, живущим работою рук чужих, а не своих собственных. Такое понимание необходимо вытекало из слов нашего автора. И оно было верно в том смысле, что монтаньяры на деле и по инстинкту всегда стремились отстаивать интересы беднейшего класса населения. Но в их взглядах была такая сторона, которая при дальнейшем своем развитии сообщила бы им совершенно буржуазный характер. Эта сторона их взглядов очень заметна в речах Робеспьера. Она же подвинула якобинцев на борьбу против гебертистов и, вообще, против сторонников так называвшихся тогда аграрных законов. Но и в «аграрных законах», как они рисовались в воображении их сторонников, не было ничего коммунистического. Частная собственность и неизбежно связанные с нею мелкобуржуазные стремления как бы насильно вторгались тогда в программы самых крайних революционеров. Только Бабеф становится уже на другую точку зрения, но он является уже в последнем действии великой трагедии, когда силы пролетариата были совершенно истощены предшествовавшей борьбой. Партия

монтаньяров именно и разбилась об это противоречие между их мелкобуржуазными понятиями и их стремлением отстаивать интересы пролетариата.

В настоящее время представители рабочего класса вполне чужды подобных противоречий. Современный научный социализм является именно теоретическим выражением непримиримой противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Совершаясь под его знаменем, предстоящее революционное движение рабочих будет, собственно говоря, уже не «бунтом», хотя бы и «великим», а победоносной революцией, гораздо более славной, чем все «славные» революции буржуазии. Сила, простая голая сила штыков и пушек, все более и более становится теперь единственной опорой господства буржуазии. В ее рядах появляются откровенные «теоретики», открыто признающие, что современный буржуазный порядок не имеет, никаких теоретических оправданий, да и не нуждается в них, потому что сила на стороне буржуазии. Так рассуждает, например, в своей книге «Rechtsstaat und Sozialismus» австрийский профессор Гумплович. Но всегда ли сила будет на стороне буржуазии?

Когда в одном из первых заседаний Генеральных Штатов представители дворянства и духовенства сослались на то, что в основе их привилегий лежит историческое право завоеваний - теоретик буржуазии, аббат Сийес, гордо ответил им: *Rien, que rela, Messieurs? Nous serous conquerants a notre tour!* Совершенно то же может ответить и рабочий класс проповедникам буржуазного насилия.

Столетняя годовщина Великой революции лишней раз напомнила пролетариату, что для его экономического освобождения сделано до сих пор слишком мало, да и не может быть сделано много до тех пор, пока он, в свою очередь, не явится победоносным завоевателем.

Источник: Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 4